

СТАРЫЙ РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

РОМАН ДОБРЫЙ

ГЕНИЙ РУССКОГО СЫСКА И. Д. ПУТИЛИН

Старый русский детектив

Роман Добрый

**Гений русского
сыска И.Д. Путилин**

«Художественная литература»

1903-1908

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Добрый Р.

Гений русского сыска И.Д. Путилин / Р. Добрый —
«Художественная литература», 1903-1908 — (Старый русский
детектив)

ISBN 978-5-280-03983-4

В книге собраны небольшие повести об уголовных преступлениях, основной для которых послужила деятельность Ивана Дмитриевича Путилина — знаменитого русского сыщика, начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции. Все значительные дела второй половины XIX в. в стране расследовались либо под его личным руководством, либо с его участием. Повествование в сборнике ведется от лица друга Путилина — доктора Z., который помогает расследовать все эти остросюжетные истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-280-03983-4

© Добрый Р., 1903-1908
© Художественная
литература, 1903-1908

Содержание

Давность следа...	6
Предисловие автора	8
Гений русского сыска И. Д. Путилин	9
Квазимодо церкви Спаса на Сенной	9
Труп на паперти	9
Темно... темно...	10
Среди нищей братии	12
Мать жертвы	14
В логовище зверя	15
Из могилы	17
На колокольне	19
Гроб с двойным дном	22
Гений зла	22
Путилин провожает мошенника	25
Исчезнувший покойник	27
Станный заказчик	29
Изумруд с крестом	30
Путилин заболел	33
Итальянский ученый	35
Ритуальное убийство девочки	39
Исчезновение семилетней девочки из поезда	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Роман Добрый
Гений русского сыска
И. Д. Путилин. Сборник**

© Оформление А. О. Муравенко, 2023

© Издательство «Художественная литература», 2023

Давность следа...

Про жизнь Романа Лукича Антропова (1876–1913), печатавшегося также под псевдонимом Роман Добрый, мало что известно. Родился в семье драматурга Л. Н. Антропова, что, по-видимому, способствовало выбору будущего рода занятий. Роман Лукич также, как и отец, стал драматургом, прозаиком, фельетонистом. В его литературном наследии – пьесы, фельетоны, романы, повести, рассказы. Пьеса «Гусли звончатые» с успехом шла в провинциальных театрах. В 1903 г. в Петербурге была поставлена пьеса «Пир Валтасара», в 1912 г. в московском театре Корша – драма «Дьявольская колесница».

С 1903 по 1908 г. Антропов под псевдонимом Роман Добрый пишет серию захватывающих рассказов про начальника петербургской сыскальной полиции Ивана Дмитриевича Путилина, которого современники называли «русским Шерлоком Холмсом».

Всего автором создано сорок восемь рассказов-детективов, в большинстве своем основанных на реальных событиях: Добрый часто опирался на мемуары самого Путилина, незадолго до смерти выпустившего автобиографическую книгу, хотя некоторые факты писателем были полностью выдуманы, как, например, персонаж доктора Z., который сопровождает Путилина во всех приключениях и напоминает доктора Ватсона.

Первые рассказы об И. Д. Путилине, начальнике Петербургской сыскальной полиции, изданы спустя десять лет после смерти главного героя.

При жизни об Иване Дмитриевиче Путилине, талантливом сыщике XIX века, писали лишь в официальных донесениях и личном деле, хотя имя его было широко известно современникам. О нем говорили и как о «русском Пинкертоне», и называли его русским Леоком и – опять же – Шерлоком Холмсом. За неутомимость, целеустремленность, непредсказуемость его именовали «черным сыщиком» и отмечали, что он обладал «уму непостижимым чутьем гончей собаки».

Родился Иван Дмитриевич Путилин в мае 1830 года в семье коллежского регистратора, в Новом Осколе Курской губернии. В городском училище он, по его собственным воспоминаниям, «не особенно налегал на книжное ученье», к которому и позднее большой склонности не имел. Четырнадцатилетним подростком Ваня Путилин поступил рассыльным на казенную службу, а еще через четыре года решил попытать счастья в столице, где жил его старший брат; тот и пристроил его канцелярским служащим в хозяйственный департамент МВД.

С этого времени карьера И. Д. Путилина стала стремительно продвигаться, благодаря удивительным способностям и прилежанию молодого человека. Понимая, что свидетельство об окончании четырехклассного училища не поспособствует его продвижению по службе и улучшению материального положения, Иван Путилин по вечерам самостоятельно осваивал гимназический курс наук. 31 мая 1853 года экстерном сдал экзамены в Санкт-Петербургском университете на аттестат, дававший право на причисление ко 2-му разряду гражданских чиновников, а в ноябре 1854 года юноша подал прошение о переводе его на должность младшего помощника квартального надзирателя (самая низшая должность в структуре полиции того времени). Прошение было удовлетворено, и Ивана Дмитриевича назначили младшим помощником надзирателя в 4-й квартал 1-й Адмиралтейской части на довольно непростой участок – городской Толкучий рынок. Толкучий рынок на Сенной площади не был спокойным местом службы, и молодому полицейскому постоянно приходилось искать и ловить за руку мелких воришек и нечестных барышников, надеясь только на себя. Служа на низших полицейских должностях, он получил опыт сыскальной работы и оттачивал свое оперативное мастерство.

Иван Дмитриевич скрупулезно изучал криминальный мир, открыв свой природный актерский талант на государственной службе. Во время служебных операций в ход шли все средства театрального грима. Он наряжался оборванцем, мастеровым, портовым грузчиком, под-

крашивал нос, создавал искусственные кровоподтеки и – хорошо замаскированным агентом – отправлялся на охоту. Бродягой он посещал притоны и постоялые дворы, изучал речь, манеру говорить, криминальный сленг, запоминал лица и разговоры. Случалось ему быть битым как преступниками, так и служителями порядка, не узнавшими его. Путилин стал мастером перевоплощения и получил неоценимый опыт, который неоднократно помогал ему в раскрытии преступлений. Не прошло и года, и молодой полицейский получил первое поощрение от начальства за удачно раскрытое преступление. А карьеру, учитывая его происхождение, отсутствие связей и, мягко говоря, равнодушие к «книжному ученью», этот молодой провинциал сделал головокружительную – в 1866 году, в возрасте тридцати шести лет, Путилин возглавил Управление столичной сыскной полиции и оставался его бессменным начальником почти до самой своей смерти (умер в 1893 году).

Первым громким делом И. Д. Путилина, принесшим ему известность, стало расследование деятельности фальшивомонетчиков братьев Пуговкиных, организовавших настоящую «фабрику» по производству фальшивых ассигнаций в Богородском уезде Московской губернии. Для поимки преступников начальнику сыскной полиции снова пригодилось его умение менять образы. Ивану Дмитриевичу пришлось играть роль диакона, высланного из Москвы на послушание. В результате его умелых действий фальшивомонетчики были арестованы.

Несмотря на огромную ненависть к людям в погонах и на даваемые им обидные клички «держиморд», Путилина уважал преступный мир. Современники рассказывали, что самых закоренелых злодеев и страшных убийц Путилин всегда допрашивал в своем кабинете с глаза на глаз, и не было случая, чтобы кто-то хоть раз поднял на него руку или даже оскорбил его словом.

Во время службы Путилина И. Д. в сыскной полиции не было ни одного серьезного преступления, которое бы не раскрыли. Казне и частным лицам были возвращены огромные суммы денег, изобличены сотни преступников, совершивших различные преступления: мошенничества, грабежи, разбои и убийства. За свое рвение Иван Дмитриевич Путилин был удостоен многочисленных наград: орденов и медалей Российской империи.

4 мая 1889 года в чине тайного советника (генерал-лейтенанта) вышел в отставку и поселился в своей усадьбе на реке Волхов.

В ноябре 1893 года, у себя в деревне, Иван Дмитриевич умер «от инфлюэнции, осложненной острым отеком легких». Тут-то и открылась еще одна неожиданная сторона его жизни: знаменитый сыщик, оказывается, был беден. Никакого состояния после себя не оставил, только долги. Многолетняя служба на такой должности, где деньги сами липнут к рукам, не принесла ему ничего, кроме небольшого поместья, которое было заложено-перезаложено. Все имущество покойного пошло с молотка для расчетов с кредиторами; наследникам достались лишь бумаги из путилинского архива.

Предисловие автора

– Милостивые государи! – взволнованно сказал нам престарый доктор. – Ведомо ли вам, что я был в самых дружеских отношениях с покойным Иваном Дмитриевичем Путилиным, этим замечательнейшим русским сыщиком и впоследствии – начальником сыскной полиции?

– Нет, доктор, мы этого не знали...

– А-а! Должен вам сказать вот что. На мою долю выпала честь принимать личное участие во многих интересных похождениях-розысках гениального русского сыщика, и я – должен признаться – оказал даже кое-какие услуги русскому судебному ведомству, сопутствуя моему великому другу в его опасных похождениях. Мы набрасываемся с какой-то лихорадочной страстностью на приключения всевозможных иноземных сыщиков, нередко существовавших лишь в воображении господ романистов. А вот свое, родное, забываем, игнорируем. А между тем это родное будет куда позанимательнее иностранных чудес.

Мы пристали к доктору с горячей просьбой рассказать нам все, что ему известно о подвигах его друга Путилина. Почтенный доктор любезно согласился.

Гений русского сыска И. Д. Путилин

Квазимодо церкви Спаса на Сенной

Труп на паперти

Было около десяти часов утра. Я в шлафроке¹ сидел за чашкой кофе, как вдруг раздался звонок, и в переднюю торопливо вошел любимый денщик Путилина.

– От Ивана Дмитриевича, спешное письмецо! – подал он мне знакомый синий конвертик. Я быстро распечатал его и пробежал глазами записку.

В ней стояло: *«Дружище, приезжай немедленно, если хочешь присутствовать при самом начале нового и необычного происшествия. Дело, кажется, не из заурядных. Твой Путилин».*

Нечего и говорить, что через несколько минут я уже мчался в экипаже, запряженном гнедой лошадкой, к моему гениальному другу.

– Что такое? – ураганом ворвался я в кабинет Путилина.

Он был уже готов к отъезду.

– Едем. Некогда объяснять. Все распоряжения сделаны?

– Все, ваше превосходительство! – ответил дежурный агент.

– На Сенную! – отрывисто бросил Путилин кучеру

Дорогой мой друг не проронил ни слова. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Только мы выехали на Сенную, я увидел огромную толпу, запрудившую всю площадь. Особенно она была многочисленна у церкви Спаса.

– К церкви! – отдал отрывистый приказ Путилин.

– Па-а-ди! Па-а-ди! – громко кричал кучер, пытаясь проехать сквозь эту живую стену, что было не так-то легко. Того и гляди кого-нибудь задавишь. Но чины полиции, заметив Путилина, принялись энергично расчищать путь нашей коляске.

– Осади! Назад подайся! Что вы, черти, прямо под лошадей прете? Расходитесь!

«Что случилось?» – гадал я.

Мы остановились, вылезли из коляски. Толпа расступилась, образуя узкий проход. Путилин быстрым шагом прошел по нему и остановился около какой-то темной массы, лежащей почти у самых ступенек паперти.

Рядом уже стояли несколько должностных лиц: судебный следователь, прокурор, судебный врач и другие.

– Не задержал? – здороваясь с ними, проговорил Путилин.

– Нисколько. Мы только что сами приехали.

Я подошел поближе, и неприятный холодок пробежал по моей спине.

На мостовой, лицом кверху, лежал труп красивой молодой девушки, просто одетой, в черной накидке и в черной, смоченной кровью, косынке. Откуда шла кровь – сначала понять было мудрено. Меня поразили ее руки и ноги: они были неестественно раскинуты в стороны.

– Следственный осмотр трупа уже произведен? – спросил я моего знакомого доктора.

– Конечно, поверхностный, коллега.

– И что вы обнаружили? – полуобернулся Путилин к полицейскому врачу.

– Девушка, очевидно, разбилась. Перелом спинного хребта, руки и ноги переломлены.

Похоже, она упала на мостовую с большой высоты.

¹ Шлафрок (устар.) – домашний халат.

Путилин поднял глаза вверх.

– А разве вы не допускаете, доктор, что тут возможно не падение, а переезд девушки каким-нибудь ломовым, везшим огромную тяжесть? – задал вопрос судебный следователь.

Я вместе с моим приятелем-врачом повторно произвел осмотр трупа.

– Нет! – в один голос ответили мы. – Здесь не очень удобно давать вам, господа, подробный отчет о нашей экспертизе. Отвезите труп, мы еще раз осмотрим его, произведем вскрытие, и тогда все вам будет ясно.

Толпа глухо шумела. Любопытствующие все прибывали. Несмотря на увещевания полиции, нас страшно теснили.

Пока тело еще лежало на мостовой, к нему протиснулся горбун. Это был крохотного роста человек самой уродливой внешности. Огромная голова, чуть не с полтуловища, над которой безобразной кучей вздымалась копна рыже-бурых волос. Небольшое, в кулачок, лицо. Один глаз был закрыт совершенно, другой представлял собою узкую щелку, сверкавшую нездоровым блеском. Лицо его, точно лицо скопца, было лишено какой бы то ни было растительности. Несуразно длинные цепкие руки; одна нога волочилась, другая – короче первой. Огромный горб подымался над безобразной головой.

Это подобие человека внушало ужас и отвращение.

– Куда лезешь? – одернул его полицейский чин.

– Ваши превосходительства, дозвоьте взглянуть на упокойницу! – сильным голосом, столь мало идущим к его уродливо-тщедушной фигуре, взволнованно произнес страшный горбун.

На него никто из властей не обратил внимания. Никто, за исключением Путилина.

Он сделал знак рукой, чтобы полицейские не трогали горбуна, и, впиваясь в его лицо пронизательным взглядом, мягко спросил:

– Ты не знал ли покойной, почтенный?

– Нет... – слишком быстро ответил урод.

– Так почему же ты интересуешься мертвой?

– Так-с... любопытно... Шутка сказать: перед самой церковью, и вдруг эдакое происшествие.

Путилин отдернул покрывало-холст, которым уже накрыли покойницу.

– На, смотри!

– О, господи!.. – каким-то всхлипом вырвалось из груди горбуна.

Темно... темно...

Мы с коллегой-врачом начали вскрытие погибшей. Когда труп раздевали, из-за ворота простенькой ситцевой кофточки выпала огромная пачка кредитных билетов и ценных бумаг.

– Ого! – вырвалось у судебного следователя. – Да у бедняжки целое состояние... Сколько здесь?

Деньги были сосчитаны. Их оказалось сорок девять тысяч семьсот рублей.

Путилин все время нервно ходил по комнате.

– Ну, господа, что вы можете сказать? Кто она? Что с ней?

– Девушка. Вполне целомудренная девушка. Повреждения, полученные ею, не могли произойти ни от чего иного, как только от падения со страшной высоты.

– Но лицо-то ведь цело?

– Что ж из того? При падении она грохнулась навзничь, на спину.

Путилин ничего не ответил.

Следствие началось.

Было установлено следующее: в семь часов утра (а по другим показаниям – в шесть) какие-то люди подбежали к стоявшему на углу полицейскому и взволнованно сказали ему:

– Что ж ты, господин хороший, не видишь, что около тебя делается?

– А что? – строго спросил тот.

– Да труп около паперти лежит.

Тот подбежал и увидел мертвую девушку. Дали знать властям, Путилин – мне, а остальное вы знаете. Вот и все, что стало известно на предварительном дознании. Не правда ли, не много? Те свидетели, которые первыми увидели несчастную девушку, были подробно допрошены, но из их кратких показаний не пролился ни один луч света на это загадочное дело.

Правда, один добровольно явившийся свидетель показал, что, возвращаясь после поздней вечеринки по Сенной, слышал женский крик, полный ужаса. Но не придавал особого значения: мало ли кто кричит в страшные, темные петербургские ночи?

– Я думал, так, какая-нибудь гулящая бабенка. Много ведь их по ночам шляется. Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие...

– А в котором часу это было?

– Да где-то примерно в пять утра, а может, позже.

Весть о происшествии быстро облетела Петербург. Целая рать самых опытных, искусных агентов смешалась с толпой, зорко приглядываясь к людям и внимательно прислушиваясь к их речам.

Устали мы за этот день анафемски: с раннего утра и до восьми вечера были на ногах.

В девять часов мы с Путилиным сидели за ужином. Лицо его было угрюмое, сосредоточенное. Он не притронулся к еде.

– Что ты думаешь об этом случае? – вдруг спросил он меня.

– А я, признаюсь, этот вопрос только что хотел задать тебе.

– Скажи, ты очень внимательно осмотрел труп? Неужели нет никаких следов насилия, борьбы?

– Никаких.

– Нужно тебе сказать, дружище, – задумчиво произнес Путилин, – что этот случай я считаю одним из самых интересных в моей практике. Признаюсь, ни одно предварительное следствие не давало в мои руки так мало данных, как это.

– Э, Иван Дмитриевич, ты всегда начинаешь «за упокой», а кончаешь «за здравие»! – улыбнулся я.

– Так ты веришь, что мне удастся раскрыть это темное дело?

– Безусловно!

– Спасибо тебе. Это придает мне силы.

И мой друг опять погрузился в раздумья.

– Темно... темно... – тихо бормотал он про себя.

Он начал в задумчивости чертить указательным пальцем по столу, а затем его лицо на мгновение осветилось довольной улыбкой.

– Кто знает, может быть... да, да, да...

Я уже знал привычку моего талантливого друга обмениваться мыслями с... самим собой и поэтому нарочно не обращал на него ни малейшего внимания.

– Да, может быть... Попытаемся! – громко произнес Путилин.

Он встал и, подойдя ко мне, спросил:

– Ты хочешь следить за всеми перипетиями борьбы?

– Что за вопрос!

– Так вот, сегодня ночью тебе придется довольно рано встать. Ты не посетуешь на меня за это? И потом – ничему не удивляйся... Я, кажется, привезу тебе маленький узелок...

Я заснул как убитый, без всяких сновидений, тем сном, которым спят измученные и утомленные люди.

Сколько времени я спал – не знаю. Меня разбудили громкие голоса.

– Вставай, вот и я!

Я протер глаза и быстро вскочил с постели.

Передо мною стоял оборванный золоторотец². Худые, продранные штаны. Какая-то бабья кацавейка... Вокруг шеи обмотан грязный гарусный³ шарф. Дико всклокоченные волосы космами спускались на синебагровое, все в ссадинах лицо.

Я догадался, что передо мной – мой гениальный друг.

– Ступай! – отдал я приказ лакею, на лице которого застыло выражение сильнейшего недоумения.

– Постой, постой, – улыбаясь, начал Путилин, – ты не одевайся в свое платье, а вот, не угодно ли тебе облачиться в то, что я привез в этом узле.

И передо мною появились какие-то грязные отрепья, вроде тех, которые были на Путилине.

– Что это?..

– А теперь садись! – кратко изрек Путилин после того, как я оделся. – Позволь мне заняться твоей физиономией. Она слишком прилична для тех мест, куда мы идем...

Среди нищей братии

Бум! Бум! Б-у-ум! – глухо раздавался в утреннем промозглом воздухе звон колокола Спаса на Сенной. Это звонили к ранней обедне. Сквозь неясный просвет утра с трудом можно было разобрать очертания темных фигур, направляющихся к паперти церкви. То шли нищие и богомолцы.

Ворча, ругаясь, толкая друг друга, изрыгая отвратительную брань, спешили площадные нищие и нищенки скорее занять свои места, боясь, как бы кто другой, более нахальный и сильный, не завоевал лучшее местечко.

– О, господи! – тихо неслись шамкающие звуки беззубых ртов стариков и старух-богомолок, крестившихся широким крестом.

Когда Путилин и я, подойдя к паперти, вошли в притвор церкви, нас обступила озлобленная толпа нищих.

– Это еще что за молодчики появились? – раздалась негодующие голоса.

– Ты как, рвань полосатая, смеешь сюда лезть? – наступала на Путилина отвратительная, вся в лохмотьях, старая мегера.

– А ты что же, откупила все места, ведьма? – сиплым голосом дал ей отпор Путилин.

Моментом взбеленились все.

– А ты думаешь, даром мы тут стоим? Да мы себе каждый местечко покупаем, ирод рваный!..

– Что с ними долго разговаривать! Взащей их, братцы!

– Выталкивай их!

Особенно неистовствовал страшный горбун.

Все его безобразное тело, точно тело чудовища-спрута, порывисто колыхалось, длинные цепкие руки-щупальца готовы были, казалось, схватить нас и раздавить в своих отвратительных объятиях, единственный глаз, налившийся кровью, горел огнем бешенства.

Я не мог сдержать дрожи отвращения.

² Золоторотец (устар.) – босяк, бродяга, оборванец.

³ Гарус — сученая шерстяная пряжа.

– Вон! Вон отсюда! – злобно рычал он, наступая на нас.

– Что вы, безобразники, в храме божьем шум да свару поднимаете? – говорили с укоризной некоторые богомольцы, проходя притвором церкви.

– Эх, вижу, братцы, народ вы больно уж алчный!.. – начал Путилин, вынимая горсть медяков и несколько серебряных монет. – Без откупа, видно, к вам не влезешь. Что с вами делать! Нате, держите!

Настроение нищих вмиг изменилось.

– Давно бы так... – проворчала старая мегера.

– А кому деньги-то отдать? – спросил Путилин.

– Горбуну Евсеичу! Он у нас старшой. Он староста.

Безобразная лапа горбуна уже потянулась к Путилину, и алчная улыбка зазмеилась на его страшном лице.

– За себя и за товарища? Только помните: две недели третью часть выручки нам – на дележ. А то все равно сживем!..

Ранняя обедня подходила к концу.

Путилин с неподражаемой ловкостью завязывал разговор с нищими о вчерашнем трагическом происшествии перед папертью Спаса.

– Как вы, почтенный, насчет сего думаете? – с глупым видом обращался он несколько раз к горбуну.

– Отстань, обормот!.. Надоел! – злобно сверкал тот глазом-щелкой.

– У-у, богатый черт, полагать надо! – тихо шепнул Путилин на ухо соседу-нищему

– Да нас с тобой, брат, купит тысячи раз и перекупит! – ухмылялся тот. – А только бабник, да и здорово заливает!..

По окончании обедни оделенная копейками, грошами и пятаками нищая братия стала расходиться.

– Мы пойдем за горбуном... – еле слышно бросил мне Путилин.

Горбун шел скоро, волоча по земле искривленную, уродливую ногу.

Стараясь быть незамеченными, мы шли, ни на секунду не выпуская его из виду. Раз он свернул налево, потом – направо, и вскоре мы очутились перед знаменитой Вяземской лаврой.

Горбун юркнул в ворота этой страшной клоаки, «чудеса» которой приводили в содрогание людей и с крепкими нервами. Это было время расцвета Вяземки – притона всей столичной сволочи, повергавшей в ужас петербургских обывателей.

Отъявленные воры, пьяницы-золоторотцы, проститутки – все свили здесь прочное гнездо, разрушить которое было не так-то легко.

Подобно московскому Ржанову дому Хитрова рынка, здесь находились и ночлежки – общежития для негодяев и продажных женщин, ростовщиков и воров, скупщиков краденного, а также и отдельные комнатки-конуры, сдаваемые за дешевую плату «аристократам» столичного сброда.

Притаившись за грудой пустых бочек, мы наблюдали, как горбун, быстро и цепко поднявшись по обледенелой лестнице, заваленной мусором, вошел на черную галдарейку⁴ ветхого надворного флигеля и, отперев огромный замок, скрылся за дверью какого-то логовища.

– Ну, теперь мы можем ехать! – задумчиво произнес Путилин, не сводя глаз с таинственной двери.

– Ты что-нибудь наметил? – спросил я.

– Темно... темно... – как и в прошлый раз ответил он.

⁴ Галдарейка (устар.) – то же, что и галерея.

Мать жертвы

В сыском Путилина ожидал сюрприз.

Лишь только мы, предварительно переодевшись, вошли в кабинет, как дверь распахнулась и в сопровождении дежурного агента вошла, вернее, вбежала небольшого роста, худощавая пожилая женщина.

Одета она была так, как одеваются мещанки или бедные, но «благородные» чиновницы, в какую-то черную поношенную шляпу, повязанную черной косынкой, и в длинное, тоже черное пальто.

Войдя, она сейчас же принялась плакать и голосить:

– Ах-ах-ах... ваше... ваше превосходительство...

– Что такое? Кто эта женщина? – спросил Путилин агента.

– Мать девушки, найденной вчера перед церковью Спаса... – доложил агент.

Лицо Путилина было бесстрастно.

– Садитесь, сударыня... Да вы бросьте плакать... Давайте лучше побеседуем... – пригласил Путилин.

– Да ка-а-ак же не плакать-то?! Дочь – единственная... Леночка моя ненагля-я-дная... Видела ее, голубушку...

Из расспросов женщины выяснилось следующее: она – вдова скромного канцелярского служителя, умершего «от запоя». После смерти кормильца в доме наступила страшная нужда. Чтобы не умереть с голоду, она шила, гадала на кофейной гуще, обмывала покойников; словом, делала все, чтобы вести с дочерью подобающий их положению образ жизни.

– А она – раскрасавица у меня! Характеру Леночка была гордого, замечательного, можно сказать. И-и! никто к ней не подступайся! Королева прямо! В последнее время тоже работать начала. На лавки белье шили мы... Шьет, бывало, голубушка, а сама вдруг усмехнется да и скажет: «А что вы думаете, мамаша, будем мы с вами богатые, помяните мое слово!» «Да откуда, – говорю ей, – богатство-то к нам слетит, Леночка?» А она только бровью соболиной поведет. «Так, – говорит, – верю я в счастье мое...»

Сильные рыдания сотрясли мать погибшей.

– А вот какое счастье на поверку вышло! А-а-ах!..

– Скажите, сударыня, ваша дочь часто отлучалась из дома?

– Да не особенно... Когда работу относить надо было...

– Когда последний раз до того трагического момента она ушла из дома?

– Часов около семи вечера. Жду ее, жду – нет. Уже и ночь настала. Тоскует сердце. Ну, думаю, может, к подруге какой зашла, ночевать осталась. Ан – и утро! А тут вдруг услышала: девушку нашли мертвой у церкви Спаса. Бросилась туда. Говорят, отвезли уж куда-то. Разыскала. Взглянула – и с ног долой. Моя Леночка ненаглядная!

– Скажите, а ведомо ли вам, что за лифом вашей дочери были найдены сорок девять тысяч семьсот рублей?

На вдову нашел столбняк.

– К... как? Сколько? – заикаясь, воскликнула она. Путилин повторил.

– А где же деньги? – загорелись глаза у женщины.

– У нас, конечно, сударыня.

– А вы... куда ж их денете? Я ведь мать ее, я – наследница.

Мы невольно улыбнулись.

– Нет уж, сударыня, этих денег вы не наследуете... – ответил Путилин. – А вот лучше скажите: откуда, по вашему мнению, у дочери могла взяться такая сумма?

Вдова заплакала.

– А я почему знаю, господин начальник.

Путилин сдал вдову на руки своему опытному помощнику. У нее надо было узнать подробные сведения обо всех знакомых, о тех магазинах, куда Леночка сдавала работу. Туда по горячим следам должны были быть направлены агенты.

Но я ясно видел, что Путилин отдавал распоряжения как бы нехотя, словно сам не верил в целесообразность всех тех мер розыска, которые предпринимал. Я хорошо изучил моего гениального друга и чувствовал, что он делает все это больше для очистки совести.

– Позовите мне Х.! – отдал он приказ.

Х. был любимый агент Путилина. Физически очень силен, бесстрашный, находчивый.

– Слушайте, голубчик, сейчас мы с вами побеседуем кое о чем.

Затем он обратился ко мне:

– Поезжай, друже, домой и ожидай меня ровно в восемь часов вечера. Сегодня ночью мы продолжим наши похождения. Только отпусти денщика.

В логовище зверя

Стрелки часов показывали ровно восемь, когда я услышал звонок. Я поспешно открыл дверь и попятился, удивленный: первую вошла в мою переднюю... девушка, которую я вчера видел убитой на Сенной площади.

Крик ужаса замер на моих устах. Вдруг раздался веселый смех Путилина, вошедшего вслед за ней.

– Не бойся, дружище, это не привидение, а только моя талантливая сотрудница по трудному и опасному ремеслу.

– Фу-у, черт возьми, Иван Дмитриевич, ты всегда устроишь какую-нибудь необыкновенную шутку! – вырвалось у меня. – Но, боже мой, какой великолепный маскарад! Как похожа!

Я, подробно осматривавший труп, заметил даже большую черную родинку на левой щеке девушки.

Путилин был искусно загримирован, одет в обыкновенную, сильно поношенную и продранную триковую тройку.

– А мне в чем ехать? – спросил я.

– Да так, как есть... Только сомни воротник и обсыпь себя мукой или пудрой...

Я исполнил повеления моего друга, и через несколько минут мы вышли из квартиры.

У ворот нас ждал любимый агент Путилина.

– Все?

– Все, Иван Дмитриевич.

«Малинник», знаменитый вертеп пьянства и разврата, гремел нестройными голосами.

Если жизнь Вяземки днем была отвратительна, то неописуемые оргии, происходящие ночью в «малиннике», были поистине поразительны. Всё, что днем было отобрано, наворовано, награблено, – вечером и ночью пропивалось, прогуливалось в этом месте. Тут, казалось, бог совершенно отвернулся от людей, и люди, опившиеся, одурманенные зверскими, животными инстинктами, находились во власти сатаны.

Когда мы подошли, стараясь идти не вместе, а поодиночке, к этой клоаке, Путилин сказал:

– Барынька, вы останьтесь здесь, с Х. Мы с доктором войдем, и, надеюсь, скоро вернемся...

Мы с содроганием вошли в ужасный притон.

Первое, что бросилось нам в глаза, была фигура горбуна. Он сидел на стуле, свесив свои страшные ноги. Казалось, за столом сидит только огромный горб с головой. Лицо горбуна было

искажено пьяной, сладострастной улыбкой, имело сине-багровый, налившейся кровью оттенок. Вид его был ужасен. На коленях его, если можно эти искривленные обрубки назвать коленями, сидела молодая пьяная девочка лет пятнадцати. Она держала в руках стакан водки и что-то кричала тоненьким, сиплым голоском, но за общим гвалтом разобрать слов было невозможно,

– Горбун! Дьявол! – доносились возгласы обезумевших от пьянства и разврата людей.

Раздавался какой-то животный смех, кто-то плакал пьяным слезами.

– Назад! – шепнул мне Путилин.

Мы быстро, пока не привлекли ничьего внимания, выскочили из этого смрадного вертепа. Я был поражен. Для чего же мы отправились сюда? Какой гениальный ход рассчитывает сделать мой друг?

– Скорее! – отдал приказ Путилин агентам, поджидавшим нас.

Мы припустили бегом. Нас толкали, отпускали по нашему адресу непечатную брань. Кто-то попытался схватить в охапку агентшу, но, получив сильный удар от агента Х, с проклятием выпустил ее из своих рук.

– Дьявол! Здорово дерется!..

Минуты через две мы очутились перед лестницей, ведущей в жилище горбуна.

Путилин поднялся первый. За ним – агент Х, потом – я, последней – агентша.

– Вам ничего не известно? – тихо спросил я ее, терзаемый любопытством.

– Да разве вы его не знаете? Разве он скажет что-нибудь наперед? – со вздохом ответила она.

Вот и эта обшарпанная, зловонная галерея. Внутри ее пробивался из крошечного разбитого окна тусклый свет. Перед нами показалась небольшая дверь, обитая старой-престарой клеенкой, на двери – длинный засов, на нем – огромный висячий замок.

– Начинайте, голубчик! – обратился Путилин к агенту.

Послышался чуть слышный металлический лязг инструментов в руках агента Х.

– А теперь, господа, вот что, – обратился уже к нам Путилин. – Если замка открыть не удастся, тогда я немедленно возвращусь в «малинник», а вы... вы караульте здесь. Смотрите, какое тут чудесное помещение.

С этими словами Путилин подвел нас к конуре, напоминающей кладовую. Я недоумевал все более и более.

– Иван Дмитриевич, да объясни ты хоть что-нибудь.

– Тсс! Ни звука! Ну, как?

– Великолепно! Кажется, сейчас удастся, – ответил Х.

– Ну?

– Готово!

– Bravo, голубчик, это хорошая работа! – довольным голосом произнес Путилин. – Прошу! – пригласил он нас, показывая на открывшуюся дверь.

Первой вошла агентша, за ней – я. Путилин остановился в дверях и обратился к Х.

– Ну, а теперь, голубчик, закройте, вернее, запирайте нас на замок таким же образом.

– Как?! – в сильнейшем недоумении и даже страхе вырвалось у меня. – Как?! Мы должны быть заперты в этом логовище?

– Совершенно верно, мы должны быть заперты, дружище... – невозмутимо ответил мой друг. – Пойдите, господа, пропустите меня вперед, я вам освещу немного путь.

Путилин полез в карман за фонарем.

В эту секунду я услышал звук запираемого снаружи замка. Много, господа, лет прошло с тех пор, но уверяю вас, что этот звук стоит у меня в ушах, точно я его слышу сейчас. Чувство холодного ужаса пронизало все мое существо. Такое чувство испытывает, наверное, человек, которого хоронят в состоянии летаргического сна, когда он слышит, как над ним заколачивают

крышку гроба, или осужденный, брошенный в подземелье, при звуке захлопываемой за ним навеки железной двери каземата.

– Ну, вот и свет! – проговорил Путилин. Он держал впереди себя небольшой фонарь. Узкая, но яркая полоса света прорезала тьму. Мы очутились в жилище страшного горбуна. Прежде всего меня неприятно поразил холодный, сырой воздух, пропитанный запахом отвратительной плесени.

– Брр! Настоящая могила... – произнес Путилин.

– Д-да, неважное помещение, – согласился я.

Небольшая комната, если только это грязное, смрадное логовище можно было назвать комнатой, была почти вся заставлена всевозможными предметами, начиная от разбитых ваз и кончая пустыми жестяными банками, пустыми бутылками, колченогими табуретами, кусками материи.

В углу стояло подобие стола. На нем, как и на всем остальном, толстым слоем лежала пыль и грязнобурая, толстая паутина. Видно было, что страшная лапа безобразного горбуна не притрагивалась ко всему этому годами.

Около стены было устроено что-то вроде кровати. Несколько досок лежали на толстых поленьях; на досках – свалена куча отвратительного тряпья, служившего, очевидно, подстилкой и одеялом хозяину.

– Не теряя ни минуты, я должен вас спрятать, господа! – проговорил Путилин.

Он внимательно осмотрелся.

– Нам с тобой, дружище, надо быть ближе к дверям, поэтому ты лезь под этот угол кровати, а я, в последнюю минуту, займу вот эту позицию.

И Путилин указал на выступ стены, образующей нишу.

– Теперь – и это главное – мне надо вас, барынька, устроить. О, от этого зависит многое, очень многое! – загадочно прошептал гениальный сыщик.

Он оглядел еще раз логовище горбуна.

– Гм... скверно... Но нечего делать! Придется вам поглотить пыли и покушать паутинки, барынька. Потрудитесь спрятаться вот за ту кучу, – указал Путилин на груды сваленных предметов. – Кстати, снимите ваш плащ. Давайте мне! Его можно бросить куда угодно, лишь бы он не попадался на глаза. Отлично... вот так. Ну-ка, доктор, извольте взглянуть на сие зрелище!

Я выглянул из-под кровати, и подавленный крик изумления вырвался из моей груди.

Предо мною стояла – нет, я не так выразился – не стояла, а стоял труп Леночки, убитой девушки. С помощью удивительного трико телесного цвета получалась – благодаря скудному освещению – полная иллюзия голого тела. Руки и ноги казались кровавыми обрубками, вернее – раздробленной кровавой массой. Длинные волосы, смоченные кровью, падали на плечи беспорядочными прядями.

– Верно? – спросил Путилин.

– Но это... – заплетающимся языком промычал я... – Это черт знает, что такое.

На меня, съжившегося под кроватью, положительно напал столбняк.

– Ну, по местам! – тихо скомандовал Путилин, гася фонарь. – Да, кстати, барынька, зажимайте крепко нос, дышите только ртом. Там слишком много пыли, а пыль иногда – в деле уголовного сыска – преопасная вещь... Тсс! Теперь – ни звука.

Наступили тьма и могильная тишина.

Я слышал, как мое сердце бьется тревожными, неровными толчками.

Из могилы

Время тянулось страшно медленно. Секунды казались минутами, минуты – часами. Вдруг до моего слуха донеслись шаги человека, подходящего к двери. Затем послышалось

хриплое ворчание, похожее на ворчание дикого зверя, которое мешалось со злобными выкриками и проклятиями. Загремел замок.

– Проклятая!.. Дьявол!.. – совершенно явственно долетали слова.

Лязгнул засов, как-то жалобно скрипнула дверь, и в конуру ввалился человек. Кто он, я, конечно, не мог видеть, но сразу понял, что это страшный горбун.

Он был, очевидно, сильно пьян.

Изрыгая отвратительную ругань, горбун натолкнулся на край кровати, с силой ударился о стену, кое-как выпрямившись, направился нетвердой походкой вглубь комнаты.

– Что? Сладко пришлось, ведьма? Кувырк, кувырк, кувырк... Ха-ха-ха! – вдруг разразился безумным хохотом горбун.

Признаюсь, я похолодел от ужаса.

Вдруг конура осветилась слабым, синевато-трепетным светом. Горбун чиркнул серную спичку и, должно быть, зажег сальную свечу.

– Только ошиблась, проклятая, не то взяла! – продолжал рычать горбун.

Он вдруг быстро наклонился над кроватью и подтащил к себе небольшой черный сундук.

Мысль, что он меня может увидеть, заставила заледенеть кровь в жилах. Я как-то позабыл, что у меня есть револьвер, которым я могу размозжить голову этому чудовищу.

Горбун поставил дрожащей рукой около сундука свечку в оловянном подсвечнике и, все также изрыгая проклятия и ругательства, отпер его. Свет свечи падал на его лицо. Великий боже, как ужасно было его лицо! Клянусь вам, это было лицо самого дьявола!.. Медленно, весь содрогаясь, он стал вынимать мешочки, в которых сверкало золото, а потом – целую кипу ценных бумаг и ассигнаций. С тихим смехом он прижимал их к своим безобразным губам.

– Голубушки мои... Родненькие мои... Ах-ох-хо-хо! Сколько вас здесь... Все мое, мое!.. – беззвучно хохотал горбун. Его единственный глаз, казалось, готов был выскочить из орбиты. Страшные, цепкие руки-щупальца судорожно сжимали богатства. Затем из его груди вырвался озлобленный вопль-рычание: – А этих нет! Целой пачки нет!.. Погубила, осиротила меня!

– Я верну их тебе! – вдруг раздался какой-то неживой голос.

Прежде, чем я успел опомниться, увидел, как горбун в ужасе опрокинулся назад. Его лицо из синебагрового стало белее полотна. Нижняя челюсть отвисла и задрожала.

К нему медленно и плавно, словно привидение, двигалась девушка-«труп». Ее руки были простерты вперед.

– Ты убил меня, злое чудовище, но я... я не хочу брать с собою в могилу твоих постылых денег. Они будут жечь меня, не давать покоя моей душе.

Невероятно дикий крик, полный смертельного ужаса, огласил мрачное логовище.

– Скорее! Ползи к двери. Сейчас же вон отсюда, – услышал я подавленный шепот Путилина.

Я пополз из-под кровати к двери.

– Не подходи! Не подходи! Исчадие ада!.. – в смертельном ужасе лепетал горбун.

Загримированный труп подходил к горбуну все ближе и ближе.

– Слушай, убийца, – замогильным голосом продолжала «убиенная», – там, на колокольне, под большим колоколом, прикрытые тряпкой, лежат твои деньги. Я вернулась к тебе с того света, чтобы сказать: торопись скорее туда, ты можешь забрать эти проклятые деньги, из-за которых убил меня.

Обезумевший от страха страшный горбун замер.

Путилин быстро и тихо толкнул меня вперед и открыл ногой дверь.

– Беги немедленно, что есть силы! Спускайся по лестнице! К воротам!

Я неся что было духу. Оглянувшись, я увидел, что за мной несутся Путилин и Х. Вдруг из логовища горбуна показалась белая фигура и с ловкостью истинной акробатки спустилась с лестницы.

– Поздравляю вас, барынька, с блестящим дебютом! – услышал я голос Путилина.

На колокольне

Мы поднимались по узкой, винтообразной лестнице колокольни.

Я, еще не успевший прийти в себя после всего пережитого, заметил кое-где рассредоточенные фигуры людей. Очевидно, мой гениальный друг сделал заранее распоряжения. Фигуры почтительно расступались перед нами. Когда мы взобрались на колокольню, было ровно два часа ночи.

– Ради бога, друг, зачем же мы оставили на свободе этого страшного горбуна? – обратился я, пораженный, к Путилину.

Он усмехнулся.

– Положим, дружище, он – не на свободе. Он уже пойман; за ним – великолепный надзор. Я же хочу довести дело до конца. Знаешь, это будет мне лучшей наградой. Позволь мне насладиться одним маленьким представлением. Ну, блестящая дебютантка, пожалуйста сюда, за этот выступ! Я – здесь, вы – там!

Мы разместились. Вскоре из-за туч показалась луна и озарила колокола серебристым сиянием. Сразу же пейзаж вокруг приобрел какой-то мистический вид.

На лестнице послышались шаги и тяжелое, хриплое дыхание. Миг – и на колокольне показалась безобразная фигура горбуна. Боязливо оглядываясь, горбун быстро направился к большому колоколу. Нагнувшись, он стал шарить там своей лапой...

– Нету... нету... Вот как!.. Неужели, ведьма проклятая, надула?..

– Я помогу тебе, мой убийца!

С этими словами из своего укрытия выступил загримированный «труп».

Горбун испустил жалобный крик. Его опять затрясло от ужаса. Но он сумел совладать с собой. С громким воплем чудовище одним гигантским прыжком бросилось на «Леночку» и сжало ее в своих объятиях.

– Проклятая дочь Вельзевула! Я отделаюсь от тебя! Я сброшу тебя во второй раз!..

Крик, полный страха и мольбы, прорезал тишину ночи.

– Спасите! Спасите!

– Доктор, скорее! – крикнул мне Путилин, бросаясь к горбуну.

Наша агентша трепетала в его руках. Он, высоко подняв ее в воздух, бросился к перилам. Путилин ухватил горбуна за шею, стараясь оттащить его.

Я упал под ноги горбуну. Не удержавшись, тот грохнулся навзничь, не выпуская, однако, из своих цепких объятий бедную агентшу, которая была уже в состоянии глубокого обморока.

– Сдавайся, мерзавец! – Путилин приставил блестящее дуло револьвера ко лбу убийцы. – Если сию секунду ты не выпустишь женщину, я раскрою твой безобразный череп.

С другой стороны лица горбуна появилось дуло и моего револьвера.

Цепкие объятия урода разжались и выпустили полузадушенное тело отважной агентши.

Горбун, не дожидаясь допроса, разбил себе голову в месте заключения в ту же ночь. При обыске его логовища в сундуке было найдено... триста сорок тысяч двести двадцать рублей и несколько копеек.

– Скажи, Иван Дмитриевич, – спросил я позже моего друга, – как удалось тебе напасть на верный след этого чудовищного преступления...

– По нескольким волоскам... – усмехаясь, ответил Путилин.

– Как так?! – поразился я.

– А вот слушай. Ты помнишь, когда протиснулся горбун к трупу девушки, прося дать ему возможность взглянуть на «упокойницу»? Вид этого необычного человека невольно привлек мое внимание. Я по привычке быстро и внимательно оглядел его с ног до головы, и тут случайно мой взор упал на пуговицу его порванной куртки. На пуговице, намотавшись, висела целая прядка длинных волос. Волосы эти были точно такого же цвета, что и волосы покойной.

Приподнимая холст с ее лица, я незаметным и ловким движением сорвал их с пуговицы. При вскрытии я сличил эти волосы. Они оказались тождественными. Если ты примешь во внимание, что я – узнав, где девушка разбилась от падения со страшной высоты – поглядел на колокольню, а затем узнал, что горбун – постоянный обитатель церковной паперти, то... то ты несколько оправдаешь мою смелую уголовно-сыскную гипотезу. Но это еще не все. Я узнал, что горбун богат, что он пьяница и развратник. Для меня вдруг все стало ясно. Я вывел мою собственную гипотезу, которая является единственно верной.

– Что же ясно? Какая же связь между горбуном и Леночкой?

– Чрезвычайно просто. Показания ее матери раскрыли характер Леночки. Она безумно хотела разбогатеть. Ей хотелось новых нарядов, бриллиантов, свои выезды. Я узнал, что она работала на лавку близ церкви Спаса. Чего удивляться, если она, прослышав про богатство и женолюбие горбуна, решила его «пощипать»?

Сначала, пользуясь своей редкой красотой, она вскружила голову безобразному чудовищу. Флиртуя, она овладела всецело умом и сердцем горбуна, безбоязненно рискнула прийти в его логовище. Там похитила сорок девять тысяч семьсот рублей. Горбун узнал, и... любовь к золоту победила любовь к женской красоте. Он решил жестоко отомстить и действительно сделал это.

Гроб с двойным дном

Гений зла

Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль. Вдруг он круто остановился передо мной.

– А ведь я его все-таки должен поймать, доктор!

– Ты о ком говоришь? – спросил я моего гениального друга.

– Да о ком же, как не о Домбровском! – с досадой вырвалось у Путилина. – Целый год, как известно, он играет со мной, как кошка с мышкой. Много на своем веку видел я отъявленных и умных плутов высокой пробы, но признаюсь тебе, подобного плута еще не встречал. Гений, ей-богу, настоящий гений! Знаешь, я искренно им восхищаюсь.

– Что же, тебе, Иван Дмитриевич, особенно должна быть интересна борьба с этим господином, так как вы – противники равной силы.

– Ты ведь только вообрази, – продолжал Путилин, – сколько до сих пор нераскрытых преступлений этого короля воров и убийц лежит на моей совести! В течение одиннадцати месяцев – три кражи на огромную сумму, два убийства, несколько крупных мошеннических дел-подлогов. И все это совершено одним господином Домбровским! Он просто неуловим! Знаешь ли ты, сколько раз он меня оставлял в дураках? Я до сих пор не могу без досады вспомнить, как он провел меня в деле похищения бриллиантов у ювелира Г. Как-то обращается ко мне этот известный ювелир с заявлением, что из его магазина началось частое хищение драгоценных вещей: перстней, булавок, запонок с большими солитерами⁵ огромной ценности.

– Кого же вы подозреваете, господин Г.? – спросил я ювелира.

– Не знаю, прямо не знаю, на кого и подумать. Приказчики мои – люди испытанной честности и, кроме того, ввиду пропаж, я учредил за всеми самый бдительный надзор. Я не выхожу из магазина, сам продаю драгоценности, и... тем не менее, не далее, как вчера, у меня на глазах, под носом, исчез рубин редчайшей красоты. Ради бога, помогите, господин Путилин!

Ювелир чуть не плакал. Я решил взяться за расследование этих загадочных краж драгоценностей.

– Вот что, любезный господин Г., не хотите ли вы взять меня на несколько дней приказчиком? – спросил я его.

Он страшно, бедняга, изумился.

– Как?! – не сразу сообразил он.

– Очень просто: мне необходимо быть в магазине, чтобы следить за покупателями. Как приказчику, это чрезвычайно будет удобно.

На другой день, великолепно загримированный, я стоял рядом с ювелиром за зеркальными витринами, в которых всеми цветами радуги переливались драгоценные камни. Я не спускал глаз ни с одного покупателя, следя за всеми их движениями. Вечером я услышал подавленный крик отчаяния несчастного ювелира:

– Опять, опять! новая пропaja!

– Да быть не может! Что же исчезло?

– Булавка с черной жемчужиной!

Я стал вспоминать, кто был в этот день в магазине. О, это была пестрая вереница лиц! И генералы, и моряки-офицеры, и штатские денди, и великосветские барыни, и ливрейные лакеи, являвшиеся с поручениями от своих знатных господ. Стало быть, среди этих лиц сегодня был

⁵ *Солитер* — крупный бриллиант, вправленный в ювелирное изделие обособленно от других камней.

поразительно ловкий мошенник. Но в каком виде явился он? Признаюсь, это была нелегкая задача...

На другой день я получил по почте письмо. Помню его содержание наизусть. Вот оно:

*«Любезный господин Путилин! Что это вам пришла за странная фантазия обратиться в приказчика этого плута Г.? Это не к лицу гениальному сыщику.
Ваш Домбровский».*

Когда я показал это письмо ювелиру, он схватился за голову.

– Домбровский?! О, я погиб, если вы не спасете меня от него. Это не человек, а дьявол! Он разворует у меня постепенно весь магазин!..

Следующий день прошел без кражи. Я был убежден, что гениальный мошенник, узнав меня, не рискнет больше являться в магазин и что его письмо – не более, как дерзкая бравада.

На другой день, часов около пяти, к магазину подкатила роскошная коляска с ливрейным лакеем на козлах.

Из коляски вышел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую трость с золотым набалдашником, полуседой джентльмен – барин чистейшей воды. Лицо его дышало истым благородством и доброжелательностью.

Лишь только он вошел в магазин, как ювелир с почтительной поспешностью направился к нему навстречу.

– Счастлив видеть ваше сиятельство... – залепетал он.

– Здравствуйте, здравствуйте, любезный господин Г., – приветливо-снисходительно бросил важный посетитель. – Есть что-нибудь новенькое, интересное?

– Все, что угодно, ваше сиятельство.

– А, кстати: я хочу избавиться от этого перстня. Надоел он мне что-то. Сколько вы мне за него дадите?

Ювелир взял перстень. Это был огромный солитер дивной воды. Г. долго его разглядывал.

– Три тысячи рублей могу вам предложить за него... – после долгого раздумья проговорил он.

– Что? – расхохотался старый барин. – За простое стекло – три тысячи рублей?

– То есть как – за стекло? – удивился ювелир. – Не за стекло, а за бриллиант.

– Да бросьте: это искусная лондонская работа. Бриллиант поддельный. Мне подарил его мой дядюшка, князь В., как образец заграничного искусства подделывать камни.

Удрученный ювелир покраснел как рак. Его, его, величайшего знатока, специалиста, просят дурачить!

– Позвольте, я его еще хорошенько рассмотрю.

Он стал проделывать над бриллиантом всевозможные манипуляции, смысл и значение которых для меня, как для профана, были совершенно непонятны.

– Ну что, убедились? – мягко рассмеялся князь.

– Убедился... что это – бриллиант самый настоящий и очень редкой воды.

Выражение искреннего изумления отразилось на лице князя.

– И вы не шутите?

– Нимало. Неужели вы полагаете, что я не сумею отличить поддельного камня от настоящего?

– И вы... вы согласны дать мне за него три тысячи рублей?

– И в придачу даже вот эту искусно сделанную безделушку, – проговорил Г, подавая князю булавку с головкой-камеей тонкой работы.

– А, какая прелесть!.. – восхищенно вырвалось у князя. – Ну-с, monsieur Г, я согласен продать вам этот перстень, но только с одним условием.

– С каким, ваше сиятельство?

– Во избежание всяческих недоразумений, вы потрудитесь дать мне расписку, что купили у меня, князя В., перстень с поддельным бриллиантом за три тысячи рублей.

– О, с удовольствием! – рассмеялся ювелир. – Вы извините меня, ваше сиятельство, но вы большой руки шутник!

Расписка была написана и вручена князю. Он протянул Г. драгоценный перстень.

– Сейчас я тороплюсь по делу. Через час я заеду к вам. Вы подберите мне что-нибудь интересное.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вскоре коляска отъехала от магазина ювелира.

Прошло минут пять. Я заинтересовался фигурой какого-то господина, очень внимательно разглядывающего витрину окна.

Вдруг яростный вопль огласил магазин. Я обернулся. Испуганный ювелир стоял передо мной блее полотна.

– Господин Путилин... господин Путилин... – бессвязно лепетал он.

– Что такое? Что с вами? Что случилось? – спросил я недоумевая.

– Фальшивый... фальшивый! – с отчаянием вырвалось у Г.

– Как фальшивый? Но вы же уверяли, что это – настоящий бриллиант?..

Ювелир хватался руками за голову.

– Ничего не понимаю... ничего не понимаю... Я видел драгоценный солитер, который вдруг сразу превратился в простое стекло.

Зато я все понял. Этот князь В. был не кто иной, как Домбровский. У гениального мошенника было два кольца, похожие один в один. В последнюю минуту он всучил ювелиру не настоящий бриллиант, а поддельный.

Путилин опять прошелся по кабинету

– А знаешь ли ты, что третьего дня опять случилась грандиозная кража? У графини Одинцовой похищено бриллиантов и других драгоценностей на сумму около 400000 рублей! Недурно?

– Гм... действительно, недурно, – ответил я. – И ты подозреваешь...

– Ну, разумеется, его. Кто же, кроме Домбровского, может с таким совершенством и блеском ухитриться произвести такое необычайное хищение! Кража драгоценностей произошла во время бала. Нет ни малейшего сомнения, что гениальный вор находился в числе гостей, ловким образом проник в будуар графини и там похитил эту уйму драгоценностей.

– И никаких следов, друже?

– Пока никаких. Общественное мнение страшно возбуждено. В высших инстанциях уже косятся на меня. Мне было поставлено на вид, что ожидали и ожидают от меня большего, что нельзя так долго оставлять на свободе не разысканным такого опасного злодея. Откровенно говоря, все это меня страшно волнует.

– Попробовали бы они сами разыскать подобного дьявола... – недовольно проворчал я, искренно любивший моего друга.

– Но, клянусь, что я еще не ослаб и что я во что бы то ни стало поймаю этого господина! – слегка стукнул ладонью по столу Путилин.

Раздался стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Иван Дмитриевич.

Вошел дежурный агент и с почтительным поклоном подал ему элегантный конверт.

– Просили передать немедленно в собственные руки вашему превосходительству.

– Кто принес, Жеребцов? – быстро спросил Путилин.

- Ливрейный выездной лакей.
- Хорошо, ступайте.

Путилин быстро разорвал конверт и стал читать. Я не сводил с него глаз и заметил, как краска гнева бросилась ему в лицо.

- Ого! Это, кажется, уж чересчур! – вырвалось у него.
- В чем дело, друже?
- А вот прочти.

С этими словами Путилин подал мне элегантный конверт с двойной золотой монограммой. Вот что было написано в письме:

«Мой гениальный друг!

Вы дали клятву поймать меня. Желая прийти вам на помощь, сим извещаю вас, что сегодня, ровно в три часа дня, я выезжаю с почтовым поездом в Москву по Николаевской железной дороге. С собою я везу все драгоценности, похищенные мною у графини Одинцовой. Буду весьма польщен, если вы проводите меня.

Уважающий вас Домбровский».

Письмо выпало у меня из рук. Я был поражен, как никогда в моей жизни.

– Что это: шутка, мистификация?

– Отнюдь нет. Это правда.

– Как?!

– Я отлично знаю почерк гениального мошенника. Это один из его блестящих и смелых трюков. Домбровский любит устраивать неожиданные сюрпризы.

– А ты не предполагаешь, что это сделано с целью отвода глаз? В то время, когда мы будем его караулить на Николаевском вокзале, он благополучно уедет иным способом?

Путилин усмехнулся.

– Представь себе, что нет. Он действительно, если только мне не удастся узнать его, непременно уедет с этим поездом и непременно по Николаевской дороге. О, ты не знаешь Домбровского! Неужели ты думаешь, что если бы это был обыкновенный мошенник, я не изловил бы его в течение года? В том-то и дело, что он равен мне по силе, находчивости, дерзкой отваге. Он выделяет такие фортели, какие не устраивал ни один шахматный игрок мира.

Путилин взглянул на часы. Стрелка показывала половину второго.

– Я принимаю вызов. Bravo, Домбровский, честное слово, это красивая игра! – возбужденно проговорил мой друг. – Итак, до отхода поезда остается полтора часа... Гм... немного...

Путилин провожает мошенника

На Николаевском вокзале в то время не царил при отходе поездов того сумасшедшего движения, какое вы наблюдаете теперь. Пассажиров было куда меньше, поезда ходили значительно реже.

Было без сорока минут три часа, когда я спешно подъехал к Николаевскому вокзалу. Почти сразу же приехал и Путилин.

Железнодорожное вокзальное начальство, предупрежденное, очевидно, о приезде, встретило Путилина.

– Вы распорядились, чтобы ненадолго задержали посадку пассажиров в поезд? – спросил он начальника станции.

– Как же, как же... Все двери заперты. Могу поручиться, что ни один человек незаметным образом не проникнет в вагоны.

Путилин, сделав мне знак, пошел к выходу на перрон вокзала. Поезд, уже готовый, только еще без паров, был подан. Он состоял из пяти вагонов третьего класса, двух вагонов второго и одного – первого класса, не считая двух товарных.

– Надо осмотреть на всякий случай весь поезд... – задумчиво произнес Путилин.

Мы обошли все вагоны. Не было ни одного уголка, который не был бы осмотрен нами.

Увы, поезд был пуст, совершенно пуст!

Мы прошли всем дебаркадером. Всюду стояли жандармы, оберегая выходы и входы. У каждого вагона замерли опытные агенты, мимо которых должны были пройти пассажиры.

– У дверей третьего класса в момент посадки публики будет стоять Х. О, он молодчина! Он не пропустит ни одного подозрительного лица... – возбужденно проговорил Путилин.

Мы вернулись в зал первого класса. Тут было не особенно много пассажиров. Мой друг зорко всматривался в лица мужчин и женщин, одетых подорожному, с традиционными сумками в руках.

Особенное внимание привлек высокий рыжий господин с огромными бакенбардами, с чемоданом в руках. Это был типичный турист-англичанин.

– Пора выпускать публику на посадку, – тихо шепнул начальник станции.

– Выпускайте! – также тихо ответил Путилин.

Путилин встал у прохода, не спуская пристального взора с выходящих пассажиров. Прошел один, другой, третья...

– Скажите, пожалуйста, который час? – по-английски обратился Путилин к высокому рыжему джентльмену.

Тот удивленно вскинул на него глаза.

– Виноват, я не понимаю, что вы говорите! – холодно бросил он.

Все пассажиры проследовали в вагоны. Перрон был пуст.

Дверь моментально заперли на замок и отдали приказ выпускать «с осмотрительностью».

– Его нет! – на ходу бросил Путилин Х., дождавшийся выхода последнего пассажира из зала третьего класса.

– Садитесь при последнем звонке в вагон первого класса, там рыжий господин с черным большим чемоданом. Не спускайте с него глаз. Следуйте по пятам. Мы будем обмениваться депешами, – тихо проговорил Путилин.

Под предлогом, что кем-то из пассажиров был обронен ридикюль с ценными вещами, агенты, кондукторы и жандармы вновь самым тщательным образом обшарили весь поезд. Путилин, притворившись мужем потерявшей ридикюль дамы, сопровождал их.

Повторный обыск ничего не дал: Домбровского в поезде не было, если только он не рыжий господин... До отхода поезда оставалось около девяти минут.

Когда Путилин, удовлетворенный осмотром, выходил из последнего вагона, своды дебаркадера огласились звуками печального похоронного пения. Четыре здоровенных факельщика несли большой гроб лилового бархата. В их руках он мерно покачивался. За гробом шла женщина в траурной накидке, горько, безутешно рыдавшая. Ее истеричный плач раздавался под сводами вокзала. Следом шли певчие, в кафтанах с позументами.

– Куда, в какой вагон вносить? – спросили начальника станции несущие гроб.

– Да вот прямо – в траурный, не видите разве? – недовольно буркнул он. – Точно в первый раз...

Гроб внесли в вагон. Вновь раздалось заунывное пение.

Путилин, человек в высокой степени сострадательный, стоял у печального вагона без шляпы. Чувствительный и добрый, как все талантливые, благородные люди, он с искренним соболезнованием обратился к даме в трауре:

– Простите, сударыня... Вы так убиваетесь... Кого вы потеряли? – Путилин указал на гроб.

Прелестные заплаканные глаза молодой женщины смотрели сквозь черный креп на Путилина.

– Мужа... Я потеряла мужа, моего дорогого мужа.

Она заломила в отчаянии руки и, поддерживаемая каким-то почтенным седым господином, вошла в вагон 1-го класса.

– Третий звонок, – отдал приказ начальник станции.

– Со святыми упоко-о-ой... – грянули певчие под звуки станционного дребезжащего колокола.

Поезд медленно тронулся.

Исчезнувший покойник

Я еще никогда не видел моего друга в таком странном состоянии духа, как тогда, когда мы возвращались в экипаже с вокзала. Моментами он казался темнее тучи; моментами – лицо его освещалось довольной улыбкой. За всю поездку он не проронил ни слова.

Только тогда, когда экипаж свернул в какой-то переулок неподалеку от управления сыскальной полиции, он обратился ко мне:

– Сегодняшний вечер и сегодняшняя ночь должны кое-что прояснить. Если ты хочешь присутствовать при всех перипетиях моей решительной борьбы с этим дьяволом, то приезжай часов в семь ко мне в управление. Я ожидаю важные донесения.

Сделав несколько визитов к больным, наскоро переодевшись и закусив, ровно в семь часов вечера я входил в служебный кабинет моего друга.

– Ну, что?

– Пока ничего... – мрачно ответил Путилин.

Чтобы скоротать время, мы беседовали о некоторых случаях из криминальной жизни Парижа.

– Дешеша! – вытянулся курьер перед Путилиным.

Путилин нервно вырвал ее из рук курьера.

– Проклятие! – вскричал он.

«Мы напали на ложный след. Черный чемодан не принадлежит Домбровскому. Жду ваших распоряжений», – было написано в телеграмме.

Путилин черкнул на листе бумаги:

«Следуйте дальше, вплоть до Москвы».

Беседа наша прервалась.

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Вдруг он вскочил с места и с остервенением забежал по кабинету.

– Дурак! болван! старый осел! прозевал! прозевал! – восклицал он.

Путилин, казалось, готов был вырвать все свои волосы. Он – мой дорогой, всегда уравновешенный друг – был страшен. Я невольно вскочил и бросился к нему:

– Ради бога, что с тобой?! Что случилось?

– Случилось то, что мы с тобой действительно проводили Домбровского. Я даже с ним, представь, раскланялся.

– Так почему же ты его не арестовал?

Путилин не слушал меня. Быстрым росчерком он набросал несколько слов на бумаге.

– Дешу, скорее отправлять! Пойдите, вот вторая! Да стойте, черт вас возьми, вот третья!

Я ровно ничего не понимал, у меня, каюсь, даже мелькнула мысль: не сошел ли с ума мой гениальный ДРУГ.

– Скорее ко мне Юзефовича.

Через несколько секунд в кабинет вошел маленький, юркий человечек. Путилин что-то шепнул ему на ухо.

– Когда это нужно?

– Да часа через два, три.

Мы опять остались вдвоем; человек исчез.

Путилин подошел ко мне и, опустив руку на плечо, грустно проговорил:

– Я посрамлен. Гениальный мошенник сыграл со мной поразительную шутку. Он одел мне на голову дурацкий колпак. Но помни, я обязательно возьму реванш. А теперь я тебе вот что скажу: содержание тех телеграмм, которые я сейчас получу, мне известны.

Прошло несколько минут.

Я, страшно заинтригованный, весь обратился во внимание.

– Деша! – опять вытянулся перед Путилиным курьер.

– Им подай! – приказал Путилин. – Ну, докториус, вскрывай и читай!

«Начальнику сыскной полиции, его превосходительству Путилину. Сим доношу, что следовавшая за покойником дама в трауре бесследно исчезла из вагона 1-го класса, в котором ехала. Осталось несколько забытых ею вещей. Куда делась – неизвестно.

Начальник станции Z. и агент X.».

Телеграмма была отправлена со станции Боровенки. Время получения – 10 час. 38 мин. вечера.

– Что это значит? – обратился я к Путилину.

Путилин стоял бледный, со сжатыми от бешенства кулаками.

– Это значит только то, что ты вскроешь очень скоро новую дешу.

Действительно, через полчаса, а может, и больше нам подали новую дешу.

«Случилось необычайное происшествие. Обеспокоенный внезапным исчезновением дамы в трауре, я по приезде поезда на следующую станцию вошел в вагон, где стоял гроб. Дверь вагона была настежь открыта, крышка гроба – на полу. Покойник украден. Что делать?

Агент X.».

Я оторопел. Признаюсь откровенно, прочитанное ввергло меня в немалое изумление.

– Как покойник украден? – пролепетал я. – Кому же надо красть покойника?..

– Бывает... – усмехнулся Путилин, быстро набрасывая новый текст послания.

– Деша! – опять выросла перед нами фигура курьера.

– Что ж, читай опять мою сегодняшнюю корреспонденцию! – бросил мне мой друг.

«Благодарю за то, что вы меня проводили. От вас, мой друг, я ожидал большей находчивости.

Искренно вас любящий Домбровский».

– Понял ты теперь или нет? – комкая в руках дешу, уставился на меня Путилин.

– Ровно ничего не понимаю... – вырвалось у меня.

Потайная дверь в кабинете Путилина отворилась. Перед нами стоял Юзефович.

– Ну?!

– Я привел его.

Дверь вновь отворилась, и в кабинет робко протиснулся невысокий человек в барашковом пальто-бекеше.

Странный заказчик

– Вы содержатель гробового заведения Панкратьев? – быстро спросил Путилин.

– Я, ваше превосходительство! – почтительно ответил он.

– Расскажите, как было дело!

– Случилось это четыре дня тому назад, – начал гробовщик. – Время было позднее, мастерская уже закрылась. Мы спешно заканчивали работу. Вдруг через черный вход входит господин, отлично одетый.

– Вы хозяин? – обратился он ко мне.

– Я-с. Чем могу служить?

– Я приехал заказать вам гроб.

– Хорошо-с. А к какому сроку вам требуется его изготовить?

– Да как успеете... – ответил поздний посетитель. – Я хорошо заплачу.

– А вам для кого гроб требуется, господин? – обрадованный посулом щедрой платы, спросил я.

– Для меня! – резко ответил он.

Я вздрогнул, а потом скоро сообразил: ну, конечно, шутит господин.

– Шутить изволите, хе-хе-хе, ваше сиятельство!

Он так и вперил в меня недовольный взгляд:

– Я, любезный, нисколько не шучу с вами! Вам нужна мерка? Так потрудитесь снять ее с меня. Не забудьте удлинить гроб, потому что, когда я умру, то, конечно, немного вытянусь.

Я-с, признаюсь, ваше превосходительство, нехорошо себя почувствовал, даже побелел весь, как потом мне рассказывали жена и подмастерье. Оторопь, жуть взяли меня. Первый раз в жизни приходилось мне снимать мерку с живого человека.

Однако, делать нечего, взял я трясущимися руками метр и стал измерять важного господина. Когда покончил с этим, он и говорит:

– Сейчас я вам объясню, какой я желаю гроб, а пока... нет ли у вас какого-нибудь готового, чтобы я мог кое-что сообразить?..

Я указал ему на гроб, который мы уже обтягивали глазетом⁶.

Посетитель полез в него.

– Дайте подушку! – потребовал он.

– Агаша! давай подушку свою! – приказал я жене.

Та, со страхом, тихонько крестясь, подала мне подушку. Через секунду посетитель лежал, вытянувшись в гробу.

– Дайте крышку! – приказал он. – Прикройте меня ею!..

Поверите ли, как стал я закрывать гроб крышкой, аж зубы у меня защелкали. Что, думаю, за диво такое? Уж не перехватил ли я, грешным делом, лишнего сегодня с приятелем-гробовщиком в погребке, уж не снится ли мне страшный сон? Даже за нос свой, ваше превосходительство, себя ущипнул.

– Отлично! – громко вскричал важный господин, вылезая из гроба.

– Про... Прочная работа... – заикнулся я.

⁶ Глазет является разновидностью сияющей парчи. Глазет выпускали в основном в светлых тонах – это безупречный белый, лазурно-голубой, пудрово-розовый или перламутрово-серый. Золотые или серебряные нити создавали дивные орнаменты или крупные, затейливые цветы необычных очертаний.

– Ну-с, любезный хозяин, теперь я вам объясню, какой гроб вы должны мне сделать. Прежде всего – вы должны сделать гроб мне с двойным дном.

– Как с двойным дном?! – попятился я.

– Очень просто, именно с двойным дном. Разве вы не знаете, что такое двойное дно? Наверху буду лежать я, а подо мной должно находиться пустое пространство, сиречь – второе дно. Высота его не должна быть большая... Примерно, вершка⁷ три, четыре. Поняли?

– П... понял... – пролепетал я.

– Затем в крышке гроба, на уровне моего лица, вы вырежете три дырочки-отверстия: две – для глаз, одну – для рта. Сверху вы прикроете их кусочками из бархата. Вы примерьте-ка лучше, любезный!

Господин вновь лег в гроб. Я, накрыв его крышкой, мелом очертил на ней, где должны быть дырочки для глаз и рта.

– Затем, и это весьма важно, вы должны поставить в углах крышки такие винтики, чтобы покойник, если бы он захотел, мог совершенно свободно отомкнуть завинченную крышку. Поняли? Гроб обейте лиловым бархатом. Ну-с, сколько вы возьмете с меня за такой гроб?

Я замялся. Сколько с него заломить при такой оказии? Барин чудной, богатый, видно.

– Не знаю, право, ваше сиятельство... – пробормотал я.

– Пятьсот рублей довольно будет? – улыбнулся он, вынимая из толстого бумажника пять радужных.

Я, обрадованный, спросил, куда они прикажут доставить гроб.

– Я сам за ним заеду, любезный. Если все хорошо сделаете, я прибавлю вам еще пару таких же билетов. До свидания.

Когда он ушел, мы долго с женой и подмастерьем обсуждали это необычное, можно сказать, посещение и этот странный заказ. Жена моя – женщина нрава решительного – выхватила у меня деньги и прикрикнула на меня: «Ну о чем ты сусолишь? Тебе-то что? Мало ли какие затеи приходят в голову сытым господам? Пшел стругать гроб!»

– Ну, а дальше что, Панкратьев? – спросил Путилин.

– Через сутки, вечером, приехал этот господин, гробом остался доволен, дал, как обещался, две радужных и увез гроб с собою.

– Ступайте! вы свободны! – отрывисто бросил Путилин.

– Покорнейше благодарим, ваше превосходительство! – кланяясь чуть не до земли, с облегчением проговорил гробовщик, пятясь к дверям.

Когда мы остались одни, Путилин восторженно проговорил:

– Помилуйте бог, какой молодец! Тот день, когда я его поймаю, будет днем моего наивысшего торжества!..

Изумруд с крестом

Прошло несколько дней. Необыкновенное приключение с таинственным гробом, из которого во время хода поезда исчез покойник, стало известным петербургской, вернее, всей русской публике, что и породило самые разноречивые и нелепые толки.

– Вы слышали страшную историю с гробом! Покойник убежал!

– Ну, уж это вы извините, покойники не бегают.

– Но позвольте, это же факт, что гроб оказался пустым! Из этого следует, что покойника выкрали.

– Но с какой целью?

⁷ Вершок — старая русская мера длины, равная 4,4 см.

– Весьма возможно, что покойник имел на себе драгоценности... Мошенники пронюхали об этом, проникли в вагон и...

– Обокрали его? Прекрасно. Но зачем же им, мошенникам, мог понадобиться сам покойник? Ведь это – лишняя и страшная обуза.

Такие и в подобном роде разговоры можно было услышать везде. Стоустая молва, по обыкновению все преувеличивая, перевирая и сдабривая фантастическими подробностями, выдала чудовищную легенду о появлении какой-то страшной, таинственной шайки «мистических» злодеев, крадущих для ритуальных целей покойников из гробов. Дело дошло до того, что во время похорон родственники умершего перед опусканием гроба в могилу требовали, чтобы крышку его открывали, дабы убедиться, что гроб не пуст!

Путилин был в подавленном состоянии духа. Раскрыть истинный смысл происшествия с пропажей покойника он, в интересах дела, не мог.

– Хорошенький беспорядок устроил этот негодяй! – ворчал он. – Воображаю, как хохочет он теперь!..

Доставленный немедленно в сыскную полицию (под строжайшим секретом!) виновник всей заварушки, гроб с двойным дном, – был тщательно исследован.

Мой друг самым внимательным образом обшарил пространство, находящееся между первым дном и вторым – потайным. Вдруг раздался его сдержанный возглас:

– Ага! Хотя что-то, хоть что-то найдено...

– В чем дело? – спросил я, удивленный.

– Смотри!

Путилин держал в руке огромный изумруд. Этот драгоценный камень необычайной величины и красоты внутри имел, по странной игре природы, крест.

Не успели мы как следует осмотреть камень, как вошел курьер и подал Путилину депешу:

«Спешу предупредить вас, мой гениальный друг, что я вчера благополучно прибыл в Петербург. Весь к вашим услугам.

Домбровский».

– Это уж чересчур! – вырвалось у меня.

– Начинается вторая стадия нашего противостояния... – усмехнулся Путилин.

Спустя десять минут, в течение которых Путилин сидел, задумавшись, он спросил:

– Ты свободен?

– Совершенно.

– Поедем, если хочешь, вдвоем. В одном месте ты меня подождешь, в другое – мы войдем вместе.

Наш экипаж остановился около роскошного особняка на аристократической С-ой улице. Путилин скрылся в его подъезде.

Теперь, для плавного течения повествования о знаменитых похождениях моего друга, я воспроизведу ту сцену, о которой позже рассказывал он мне.

Путилин поднялся по великолепной лестнице в бельэтаж. Дверь квартиры открыл лакей в безукоризненном фраке.

– Графиня дома? – спросил его Путилин.

– Их сиятельство дома...

Через минуту Путилин был принят хозяйкой.

– Скажите, графиня, это ваш изумруд? – показывая ей замечательный кабошон⁸, спросил он.

⁸ Кабошон — это огранка особым методом, при котором камень приобретает специфическую форму в виде гладкой выпук-

Крик радости вырвался из груди женщины.

– Мой, мой! Боже, monsieur Путилин, стало быть, вы нашли мои драгоценности?!

– Увы, графиня, пока еще я не нашел ни драгоценностей, ни их похитителя. Но, кто знает, может быть, скоро мне это удастся. Я к вам с просьбой.

– В чем дело?

– Разрешите мне от вашего имени сделать газетные публикации, приблизительно такого содержания: «Графиня Одинцова сим объявляет, что тот, кто разыщет и доставит ей похищенный в числе многих ее драгоценностей крупный изумруд, в коем виднеется крест, и составляющий фамильную редкость, переходящую из рода в род Одинцовых, – получит в награду сто тысяч рублей».

– Как!? – в сильнейшем недоумении выкрикнула графиня, – но ведь изумруд найден. Вот он – в моих руках. К чему же тогда объявление? И потом – это огромная сумма... Я ровно ничего не понимаю.

– Успокойтесь, графиня, – усмехнулся Путилин, – спешу сообщить, что на самом деле вам никому не придется платить ни копейки. Это объявление нужно мне для особых целей, рассказать о которых сейчас я не смогу.

– О, в таком случае – пожалуйста, пожалуйста...

Путилин вернулся в экипаж, где я его поджидал.

Далее наш путь лежал к лавке, на вывеске которой был изображен гроб и было выведено: *«Гробовое заведение Панкратьева»*.

– Сюда мы можем войти вместе! – обратился ко мне мой друг.

В мастерской гробовщика не было ни души. На шум из внутренней комнаты выскочил сам хозяин заведения Панкратьев и при виде Путилина побледнел как полотно.

– Ну, любезнейший, я к тебе в гости! – тихо проговорил Путилин.

– Ваше... превосходительство... – пролепетал дрожащим голосом растерянный гробовщик.

– Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!

– Ваше превосходительство, не погубите! Видит бог, я тут ни при чем! Польстился на деньги, сделал этот проклятый гроб с двойным дном, а для какой надобности – и сам не знаю. Грех, за него теперь и отвечай...

Путилин рассмеялся.

– Ну, так слушай теперь, Панкратьев! В наказание за твою жадность я назначаю тебе такую кару: к завтрашнему дню ты должен мне изготовить гроб и тоже с двойным дном.

У гробовщика отвалилась челюсть. Он даже попятился от Путилина.

– К-как-с? Опять-с гроб с двойным дном?!

Признаюсь, и я был удивлен не менее гробовщика. Что за странная фантазия пришла в голову моему гениальному другу?

– Опять. И опять с двойным дном, – повторил Путилин. – Только на этот раз второе дно должно быть несколько иное. Слушай теперь мой заказ. Покойник должен лежать не наверху, а под первым дном. Поэтому, дабы гроб не казался большим и – запомни это! – точь-в-точь таким же, как и тот, который ты сработал щедрому заказчику, сделай вот как: первое дно подыми как можно выше, сделав пространство под ним больше, тогда туда можно будет вполне спокойно уместить покойника. Понял?

– Так... точно... – растеряно пролепетал гробовщик.

– Верхнюю часть совсем не закрепляй. Сделай так, чтобы покойник мог совершенно свободно выскочить из гроба. В этом фальшивом первом дне просверли такие же отверстия, кото-

рые ты сделал в первом гробу. И попомни, Панкратьев: если хоть одна собака узнает, какой гроб ты мастеришь, я тебя туда упеку, куда Макар телят не гонял! Все сам делай; подмастерья не допускай к работе, жене своей – ни гуту! За гробом я пришлю завтра сам и, конечно, – со смехом добавил Путилин, – за него ровно ничего тебе не заплачу, ибо ты за первый гроб довольно уж содрал.

Путилин заболел

На другой день утром, проглядывая газеты, я натолкнулся на объявление графини Одинцовой, о котором вы уже знаете, но о котором я в то время еще и не догадывался. Я подивился немало.

«Как? – думал я, – ведь этот разыскиваемый изумруд – тот самый, который мой друг нашел вчера в потайном отделении таинственного гроба. Вот так штука! Воображаю, как обрадует Путилин несчастную графиню!»

Вдруг мой взор упал на статью, озаглавленную жирными буквами: «К ТАИНСТВЕННОЙ ИСТОРИИ С ГРОБОМ И ИСЧЕЗНУВШИМ ИЗ НЕГО ПОКОЙНИКОМ».

С живейшим любопытством я погрузился в чтение этой статейки. Приведу ее содержание:

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы в свое время явным. Мы очень рады, что можем первыми разгадать то таинственное приключение с гробом, о котором не перестает говорить столица, и, надеемся, что читатели оценят наши старания пролить свет на это темное дело. Оказывается, в гробу, который во время следования поезда вдруг оказался пустым, находился вовсе не мертвец, а... “живой покойник” – знаменитый мошенник и убийца Д., придумавший этот дьявольски остроумный способ улизнуть от ареста агентами, поджидавшими злодея на всех вокзалах.

Увы, наш талантливый русский Лекок⁹, господин Путилин, на этот раз оказался не на высоте, и как итог – был посрамлен гениальным мошенником.

Гроб, доставленный в сыскную полицию, оказался самым обыкновенным, и только на крышке его обнаружены дырки, ловко замаскированные бархатом, через которые преступник дышал. В гробу ровно ничего не найдено. В настоящее время это редчайшее орудие преступления помещено в музей сыскного отделения. Мы имели случай его осмотреть.

Вследствие пережитых волнений с г. Путилиным сделался нервный удар. Состояние здоровья его внушает серьезные опасения».

⁹ Месяе *Лекок* — персонаж (вымышленный) романов Э. Габорио, двадцатипятилетний детектив, младший офицер полиции, необычные методы расследования которого регулярно делают его посмешищем среди более искушенных коллег, но в итоге становятся единственно успешными.

Прочитав статью, я долго не мог прийти в себя от изумления. «Что это такое?! Как могли господа газетчики пронюхать об этом деле, которое держалось в тайне и в строжайшем секрете? И потом – откуда они взяли, что с Путилиным сделался нервный удар? А если действительно с ним сделалось вечером нехорошо?» – мелькнула у меня тревожная мысль.

Я немедленно велел закладывать гнедую лошадку и через несколько минут мчался уже к моему другу.

– Что с Иваном Дмитриевичем? – быстро спросил я денщика.

– Ничего... – удивился тот.

В сильном волнении я буквально ворвался в кабинет гениального сыщика. Путилин сидел за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги. Он взглянул на меня и с улыбкой бросил:

– Я знал, что ты сейчас примчишься. Я ждал тебя.

– Что с тобой? Ты заболел?

– Я? наоборот, чувствую себя превосходно.

– Так что же это значит? – протянул я ему номер газеты.

Путилин усмехнулся.

– Ах, ты про эту глупую заметку? Мало ли что врут репортеры...

– Но откуда, скажи, они могли пронюхать об истории с гробом?

– А черт их знает...

Я подивился в душе тому безразличию и спокойствию, с каким мой друг отнесся к появлению в газете сенсационного разоблачения.

– Если ты свободен, приезжай, дружище, часа в три, – прощаясь, промолвил Путилин.

В три часа я был у него.

– Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать.

Итальянский ученый

Тот, кто никогда не бывал в сыскных музеях, не может себе представить, какое это мрачное и вместе с тем замечательно интересное место! Мрачное потому, что все здесь напоминает, вернее, кричит об ужасах преступлений, самых чудовищных, извращенных, кровавых; интересное – потому, что тут вы наглядно знакомитесь со всевозможными орудиями этих преступлений.

Какая страшная коллекция криминальноуголовных приспособлений здесь собрана! Чего тут только нет! Начиная от простой фомки и кончая самыми замысловатыми инструментами, на некоторых из них виднеются зловещие, темно-бурые пятна старой запекшейся крови.

Ножи, револьверы, кинжалы, топоры, веревки, мертвые петли, «ошейники», пузырьки с сильнейшими ядами, шприцы, с помощью которых негодяи травили свои жертвы, маски, фонари с потайным светом. Тут воочию представала пред устранным взором вся неизмеримая по глубине и ужасу бездна человеческого падения, зверской жестокости, жажды крови. Страшное, нехорошее это было место.

Посредине комнаты стоял знаменитый гроб лилового бархата. Путилин бросил на него быстрый взгляд и, подойдя к нему, поправил подушку.

– Вот он, виновник моих злоключений!.. – задумчиво произнес он. – Правда, он выглядит все таким же, друже?

– Ну, разумеется. Что с ним могло сделаться? – ответил я, несколько удивленный.

– Ну, а теперь мне надо с тобой поговорить...

– Великолепно. Ты только скажи мне, для чего ты заказал вчера несчастному гробовщику второй гроб с двойным дном?

Путилин рассмеялся.

– Да так, просто фантазия пришла. Наказать его захотел.

Конечно, это объяснение меня не удовлетворило. Я чувствовал, что сделано это моим другом неспроста. Но для чего? Я, однако, решил об этом у него не допытываться.

– Так в чем дело?

– А вот видишь ли: не улыбается ли тебе мысль сделаться на сегодня, а, может быть, и на завтра, сторожем нашего музея?

Я от удивления не мог выговорить ни слова.

– Если да, то позволь мне облачить тебя вот в этот костюм.

И с этими словами Путилин указал на форменное платье сторожа-курьера, приготовленное им, очевидно, заранее.

– Тебе это надо? – спросил я моего друга.

– Лично мне – нет. Я хочу предоставить тебе возможность насладиться одним забавным спектаклем, если... если только, впрочем, он состоится. Говорю тебе откровенно, я накануне генерального сражения.

Я ясно видел, что Путилин был действительно в нервно-приподнятом настроении.

– Но ты, конечно, дашь мне инструкции соответственно с моей ролью? Что я должен делать?

– Ты останешься здесь. Лишь только услышишь первый звонок, ты придешь ко мне в кабинет. А там я тебе все быстро объясню.

Я начал переодеваться и вскоре превратился в заправского курьера-сторожа.

Мой друг напялил мне на голову парик, прошелся рукой искусного гримера по лицу и затем внимательно оглядел меня с ног до головы.

– Честное слово, доктор, ты делаешь громадные успехи!

И покинул меня.

Прошел час.

Я чувствовал себя, откровенно говоря, чрезвычайно глупо. В сотый раз я осматривал знакомые мне до мелочей страшные орудия музея.

Послышался звонок.

Я быстро пошел в кабинет моего друга, минуя ряд комнат. Я видел, с каким изумлением глядели на меня обычные сторожа сысканого управления.

– Откуда этот новенький появился? – доносился до меня их удивленный шепот.

В кабинете перед Путилиным стоял его помощник, что-то объясняя ему. В руках Иван Дмитриевич держал большую визитную карточку, которую он рассматривал, казалось, с большим вниманием.

При моем появлении помощник Путилина взглянул на меня недоумевающе.

– Вы разве не узнаете, голубчик, дорогого доктора, всегдашнего участника наших похождений?

Помощник расхохотался.

– Да быть не может? Вы?!

– Я.

– Ну и чудеса начинают у нас твориться!

– Скажи, пожалуйста, ты никогда не слыхал о таком господине? – спросил меня Путилин, подавая визитную карточку, которую держал в руке.

Я взял ее и прочел:

ПРОФЕССОР ЕТТОРЕ ЛЮИЗАНО

Член Римской Академии Наук, занимающий кафедру судебной
медицины.

Рим

– Не слыхал... – ответил я.

– Скажите, голубчик, чего домогается этот господин? – обратился к помощнику Путилин.

– Он на плохом французском языке обратился ко мне с просьбой осмотреть, научных целей ради, наш криминальный музей. Наговорив кучу любезностей по адресу нашего блестя-

щего уголовного сыска, он заметил, что в осмотре музея ему не было отказано ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

– Вы сказали ему, что разрешение на осмотр музея посторонними лицами зависит от начальника, а начальник, то есть я, в настоящее время болен?

– Сказал. На это он ответил, что обращается с этой же просьбой ко мне, как к вашему заместителю.

Путилин забарабанил пальцами по столу и выдержал довольно продолжительную паузу.

– Как вы думаете, разрешить ему осмотр?

– Отчего же нет. Неловко... Нас и так дикарями за границей считают.

– Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно, голубчик: в ходе осмотра вы должны выйти из комнаты под предлогом сделать срочное распоряжение. Идите! Вы впустите этого чудака-профессора не ранее, чем я дам вам мой обычный условный звонок.

Помощник удалился.

– Слушай же и ты, докториус: сию минуту ступай туда и, только мой помощник удалится, ты немедленно выйди за ним следом. Понял? Профессор на секунду останется один. Следи за часами. Ровно через две минуты ступай в музей.

Я следил за часовой стрелкой.

Минута... вторая... Я быстро направился в «кабинет преступной музейности».

Он был пуст.

Я встал у дверей.

Вдали послышался звонок. Почти в ту же секунду дверь музея распахнулась, и в сопровождении идущего впереди помощника Путилина появилась фигура итальянского ученого-профессора. Это был типичный ученый: высокий, сутуловатый, с длинными седыми волосами, с огромными темными очками на носу.

– О, какая прелесть у вас тут! – лепетал на ломаном французском Еttore Люизано. – Какая блестящая коллекция! В Лондоне... А... скажите, пожалуйста, это что же? – И он указал на гроб, мрачно вырисовывающийся на фоне многочисленных музейных экспонатов.

– Это – последнее орудие преступления, профессор! – любезно объяснил помощник Путилина.

– Гроб?!

– Да.

– О, какие у вас случаются необычайные преступления! – удивленно всплеснул руками итальянский ученый.

Начался подробный осмотр.

Профессор, живо всем интересуясь, поражал своим блестящим знанием многих орудий преступления.

– Боже мой! – шамкал он. – У нас в Италии есть точь-в-точь такая же карманная гильотина!

– Простите, профессор, я вас покину на одну секунду. Мне надо сделать важное распоряжение относительно допроса только что доставленного преступника... – обратился помощник Путилина к профессору.

– О, пожалуйста, пожалуйста! – любезно ответил тот.

Я направился следом за помощником.

Прошло секунд пять, а может быть, и минута. Теперь это изгладилось из моей памяти. Вдруг страшный, нечеловеческий крик, полный смертельного ужаса, послышался из музея.

Я похолодел.

– Скорее! – шепнул мне помощник Путилина.

Мы оба бросились туда и, распахнув дверь, остановились пораженные. Гроб был приоткрыт! Из него в полроста высывалась фигура Путилина с револьвером в правой руке.

Около гроба, отшатнувшись в смертельном страхе, стоял ученый-профессор. Его руки были вытянуты вперед, словно он защищался от страшного привидения.

– Ну, господин Домбровский, мой гениальный друг, здравствуйте! Сегодня мы квиты с вами? Не правда ли? Если в этом гробу я вас проводил, то вы в нем же меня встретили.

– Дьявол! – прохрипел Домбровский. – Ты победил меня!..

На Домбровского надели железные браслеты. Он перед этим просил, как милости, пожать руку Путилину.

– Знаете, друг, если бы вы не были таким гениальным сыщиком, какой бы гениальный мошенник мог получиться из вас!

– Спасибо! – расхохотался Путилин. – Но я предпочитаю остаться самим собой.

Триумф его был полный.

– Как ты все это сделал? – спрашивал я вечером Путилина.

– Как?.. видишь ли, и объявление, и статья были делом моих рук. Это я их напечатал. Гроб, который ты видел, был совсем другим, на дне которого я и спрятался. Я был убежден, что Домбровский, случайно оставивший изумруд в гробу, явится – при такой щедрой посуле – за ним. Когда мне подали карточку «профессора», я знал уже, что это Домбровский. Когда вы вышли из помещения музея, негодяй быстро приблизился к гробу. Он пытался найти драгоценный изумруд. В эту секунду я, приподняв фальшивое дно, предстал перед ним. Остальное тебе известно.

Ритуальное убийство девочки

Исчезновение семилетней девочки из поезда

Грязный вагон третьего класса поезда, подъезжающего к губернскому городу Минску, был битком набит обычной публикой.

Большинство ее состояло из евреев, так как Минск в то время был густо, почти сплошь заселен ими. Евреи – преимущественно бедняки, не принадлежавшие к золотой еврейской буржуазии, и мелкие торговцы – одеты были грязно, неряшливо, в свои тогдашние традиционные засаленные лапсердаки, в характерные суконные, а большей частью бархатные картузы, из-под которых длинными завитушками-локонами опускались пейсы. Некоторые из них дремали; другие, наоборот, вели оживленную беседу на своем быстром гортанном языке; третьи, закусывая селедкой с булкой, апатично глядели в вагонные окна, за которыми мелькали поля, почти уже свободные от снега, так как стояла ранняя весна.

Среди еврейских пассажиров в вагоне третьего класса находились и трое русских: женщина, мужчина и девочка лет шести-семи. Женщина средних лет, понурого вида, одетая чисто, но бедно, сидела на одной лавке, по-видимому, вся уйдя в свои грустные думы; мужчина – высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе с широкими полями – на другой.

Девочка, прелестный ребенок с вьющимися белокурыми волосами, все время вертелась около женщины, лепеча своим тоненьким детским голоском:

– Мама! Мы скоро приедем?

– Скоро, скоро, детка! – отрываясь от дум, отвечала мать, с невыразимой нежностью поглядывая на девочку.

– А мы поедем на лошадке? – не унималась девочка.

– Да, да... – рассеянно отвечала женщина.

Прошел кондуктор.

– Сейчас Минск. Ваши билеты! – громко потребовал он.

Тотчас в вагоне началось то суетливое движение, какое всегда наступает при приближении поезда к крупным центрам его остановки.

Одна лишь женщина оставалась покойноравнодушной, не трогаясь с места и глядя тоскливым взором в окно. Укладываться ей, очевидно, было не надо, так как с ней не было никаких вещей.

Поезд подошел к станции. Почти в ту же секунду испуганный женский крик прорезал гул суматохи:

– Женя! Женечка, где же ты?

Некоторые из пассажиров остановились. Слишком уж много тревоги послышалось в надтреснутом голосе женщины. Она в испуге металась по вагону, не переставая кричать все одно и то же:

– Женя, дитя мое, где ты? Господи... – Лицо ее было искажено страхом. Она, толкая всех, как безумная, бросалась в разные концы вагона, заглядывала под лавки, выбегала на площадку, и ее крик становился все более и более отчаянным.

– Что такое? Что случилось? – слышались возгласы пассажиров. – Кого ищет эта женщина?

– А кто ее знает... – недовольно фыркали некоторые, не могущие, из-за суматохи-давки, выбраться из вагона.

А женщина выбежала уже на платформу, которая огласилась ее громким воплем:

– Спасите! Помогите! У меня пропала дочь! – Она, точно тигрица, заступила путь выходящим, простирая к вагону руки.

К месту происшествия стали сбегаться досужая публика и пассажиры.

Вскоре огромная толпа образовала тесный круг, в середине которого стояла женщина, ломая в отчаянии руки, с побелевшим, перекошенным лицом.

Толпа шумела, глухо волновалась.

– Что? Что такое?

– Да вот у женщины что-то украли... Вещи какие-то.

– Неправда, не вещи, а дочь у нее пропала.

– С поезда упала.

Нестройный гул толпы все усиливался.

– Господа, позвольте, позвольте... дайте пройти! – раздался громкий голос жандарма.

Появилось в полном составе все железнодорожное начальство станции.

Громкое, надрывное женское рыдание, переходящее в истерику, оглашало перрон вокзала:

– Ай-ай-ай! Ох-хо-хо!.. Дочка моя... Женечка!..

– Сударыня, ради бога, успокойтесь! – говорил женщине тучный жандармский чин. – Вы объясните, что случилось? У вас, вы говорите, пропала дочь? Когда?..

– Сейчас... подъезжая... она была около меня. Я с ней сейчас говорила... вдруг хватилась – ее нет... За несколько минут... Ради всего святого, найдите мою дочь!

И женщина, давясь слезами, умоляюще протянула жандарму дрожащие руки.

– Сколько лет вашей дочери?

– Семь... семь лет моей ненаглядной Женечке.

– Она выходила куда-нибудь? Вы не заметили этого?

– Не знаю... я смотрела в окно.

К группе властей протиснулся высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе.

– Да, я видел, что у этой женщины был ребенок. Прелестная белокурая девочка... – послышался его резкий голос. – Бедная женщина! Я видел, как она заботилась о своем ребенке, как она целовала его головку. Это ужасно!

В толпе раздалась сочувственные возгласы:

– Бедная мать!

С некоторыми пассажирами, наиболее нервными и чувствительными, началась истерика.

– Пригласите врача! – отдал приказ жандармский офицер. – Вы не заметили, за сколько минут до прибытия сюда поезда исчезла девочка?

– Нет, ротмистр, не заметил.

– Осмотреть весь поезд! – отдал он приказ подчиненным. – Сударыня, успокойтесь...

Доктор, окажите помощь!

Женщина, подхваченная вовремя на руки, упала в глубокий обморок.

Толпа все прибывала, росла.

– Если ребенка не окажется в поезде, – обратился жандарм к начальнику станции, – надо признать, что он мог упасть между вагонами на рельсы. Сделайте распоряжение о немедленном осмотре пути, дорогой У.!

– Вы рассматриваете только *эту* версию произошедшего? – обратился к жандарму пассажир в фетровой шляпе. – А вы не думаете, что несчастную девочку могли похитить?

– Похитить? С какой стати? – недовольно процедил жандармский чин.

– С какой именно, я, конечно, не знаю, но... разве у нас мало пропадает детей чрезвычайно таинственным и бесследным образом? Вы простите, что я позволяю себе вмешиваться в это дело, но горе матери меня слишком глубоко тронуло. Не находите ли вы, ротмистр, стран-

ным, что исчезновение христианских детей всегда происходит перед наступлением еврейской пасхи?

Высокий мужчина проговорил это громким, спокойным голосом. Толпа испуганно замерла. Лица евреев, стоящих в толпе, вдруг побледнели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.